

Дина Рубина

Дина Рубина

Всегда, всегда?

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Разработка серии и дизайн обложки:
Александр Кудрявцев, студия «FOLD & SPINE»

В оформлении книги использована репродукция
портрета Дины Рубиной
работы Ильи Давидовича Рубина

На обложке использована репродукция картины
Юлии Николаевой

Рубина, Дина.

Р82 Всегда, всегда? / Дина Рубина. – Москва : Издательство «Э», 2016. – 352 с. : – (Малая проза).

ISBN 978-5-699-92565-0

В книгу «Всегда, всегда?» входят рассказы и повести, созданные Диной Рубиной в восьмидесятые годы – в период больших перемен в судьбе: изменение семейного статуса, переезд из одного дома в другой, из Ташкента в Москву, обретение нового творческого опыта – участие в съемках фильма по повести «Завтра, как обычно». При этом Дина Рубина много пишет, переводит, выступает. Ее произведения не только публикуются в журналах, но и выходят тремя книгами. В двадцать четыре года она вступает в Союз писателей СССР и какое-то время является самым молодым его членом. Проза этой поры многоголосая, свежая, сочная. Тонкая вибрация между драмой и иронией, светом и тенью, звуком и цветом становится неотъемлемым свойством рубинского стиля.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рубина Д., 2016
© Николаева Ю., иллюстрация
на переплет, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-92565-0

Предисловие

Сегодня восьмидесятые годы прошлого (ужас!) столетия кажутся мне невероятно далекими. Как говорит моя пятилетняя внучка: «Это было так давно! Это было позавчера». Годы эти далеки не только во временном отношении, просто жили мы тогда в ином измерении, в совсем ином мире, и, договариваясь о встрече, договаривались хорошенько: ведь, выйдя уже из дома, передоговориться или что-то уточнить было невозможно: мобильный телефон, это проклятье и благо цивилизации, еще не дирижировал кровообращением общества.

И это было прекрасно – для литературы. Любой поворот сюжета становился возможным, героя можно было безнаказанно трепать и таскать по разным задворкам нашей страны (о задворках мира большинство советских людей пока и не помышляло), – ведь герой просто не мог в течение двух минут сообщить, кому следует, где и зачем он находится. Сюжет несся вперед на всех парах, любое недоразумение было на руку автору, и никакому въедливому читателю просто не пришло бы в голову спросить: «Почему же он (она) не поуглил эту тему и не разобрался?»

Когда я перечитываю свои старые вещи (крайне нелегкое занятие!), я ностальгирую именно по этой авантюрной простодушной свободе построения сюжета. И сама себе, тогдашняя, кажусь очень молодой, самонадеянной, отважной, неумелой... Все вещи,

написанные в те годы и представленные в этом сборнике, сегодня я написала бы по-другому. Кроме, пожалуй, рассказов «Любка» и «Яблоки из сада Шлицбутера» и повести «Двойная фамилия» – слишком болевые истории положены в основу этих произведений, а боль человеческая – такая тонкая субстанция, любое прикосновение ранит.

Рассказ «Любка» был напечатан впервые в давнем, тогда еще «коротичевском» «Огоньке», переведен на многие языки и удачно экранизирован. Я люблю читать его перед публикой: в финале там есть старинная колыбельная, напетая мне давным-давно незабвенной старухой Ниной Ильиничной Нисс-Гольдман, которая и сама стала прототипом старухи-скульпторши из повести «На Верхней Масловке». Хорошая колыбельная, душевная, с потаенным и как бы подразумеваемым матерком на финальных словах – прелестная возможность пропеть со сцены: «Он обма-а-анет мать тво-ою-у-у... Баю-ба-а-аюшки-баю-у-у». Тут аплодисменты обеспечены.

«Яблоки из сада Шлицбутера» – просто одна из обычных трагических историй моей семьи, частично убитой на войне, частично расстрелянной во рвах под Полтавой. Этот рассказ я, очень бойко и с удовольствием начитывающая свои тексты в аудиозаписи, пока не решаюсь прочесть: непременно плачу в двух-трех эпизодах, куда это годится! Я и сама не сентиментальна, и терпеть не могу прилюдного проявления чувств.

Что касается «Двойной фамилии»... Повесть «Двойная фамилия» была написана мною в небольшом скве-

рике на улице Гончарова. Я писала в блокноте, при-
мостив его на колене одной ноги, другой в это время
покачивала коляску с новорожденной дочерью. Напи-
салась эта вещь залпом, как бывает, когда есть неза-
урядная история, подаренная самой жизнью, и нет
нужды обдумывать сюжетные линии. История близ-
кого, очень близкого человека; поэтому и вообразить
душевное состояние героя тоже не было нужды —
я чувствовала его очень остро... Монологи отца —
а повесть построена на двух монологах, — писались
практически набело. Труднее было с сыном, подрост-
ком... В то время у меня самой рос подросток-сын,
и трудно рос: пространство дома давно превратилось
в поле битвы, где каждый отвоевывал свое место, где
один против всей семьи каждый день посягал на «пере-
дел власти», действуя так, как казалось ему справед-
ливым. Приступая к монологам мальчика в повести, я
старалась представить себе своего сына в предлагае-
мой ситуации, его реакцию, его чувства и слова, кото-
рые он бы произносил... Сама я болезненно вспоминаю
свое взросление, так болезненно, что очень редко обо-
рачиваюсь на подростковые годы; у меня очень мало
вещей, в которых действуют подростки, и все они
написаны давным-давно, когда и я говорила этим лом-
ким дерзким голосом, и не могла иначе смотреть на
мир, как только из окошка растущей диковатой души.

Работая над этой повестью, я поняла, как трудно
писать о взрослеющей, беззащитной и в то же время
жесточкой человеческой душе; вспоминала свои под-
ростковые годы — ужасные, мучительные, — когда не

Дина Рубина • Всегда, всегда?

имеет особого значения, благополучна ли твоя семья, и любят ли тебя родители. Просто на тебя наваливается мир, и ты должен выстоять в одиночку. А мир — это ведь не только люди, это и бегущие облака, что летят в никуда прямо через твое сердце, и оперенные весной деревья, названий которых ты еще не знаешь, и впервые увиденный водопад, и смерть бабушки или деда, и расставание близких, и жестокая дворовая драка... Это явление густого потока жизни, который взрослые, любимые и оберегающие тебя люди, уже не в силах для тебя отфильтровать, очистить так, чтоб остались лишь красота, любовь, смелость и справедливость. Это первые уроки противостояния личности обществу.

Что-то было такое в этой повести, что редколлегия популярного журнала «Юность», прочитав, ее отвергла. Думаю, это говорит о качестве и количестве боли, заложенной в нее, как динамит.

Я уехала из Советского Союза, прошли годы. Повесть стала популярной, много раз переиздавалась, и тоже экранизирована. А мне так странно листать ее страницы, вычитывая старый текст, вглядываясь в лица и чувства героев. Я многого не узнаю. Да что там! — я себя не узнаю на этих страницах. Ведь это было так давно! Это было позавчера.

Дина Рубина

Рассказы

СОБАКА

Он прощался всегда намеренно небрежно и не позволял ей провожать себя. Считал – не стоит привлекать внимания судьбы к этим прощаниям, чтобы, чего доброго, той не пришло в голову поставить под одним из прощаний свой беспощадный росчерк.

Судьбы он боялся и никогда не строил планы дальше чем на завтрашний день – боялся, что судьба обозлится на него за легкомысленную самоуверенность. Может, это было единственным, чего он боялся в жизни...

А в этот раз даже не смог забежать к Ирине перед поездкой – с матерью случился очередной сердечный приступ, и после вызова «Скорой» он просидел весь вечер дома – неловко было оставлять мать одну.

Ирина ждала его, конечно, волновалась, надо было позвонить, и он долго приготавливался к этому звонку – выкурил две сигареты, написал ответ на деловое письмо, которое валялось уже месяц на холодильнике.

ке, посмотрел по телевизору мультик. И оттого, что звонить надо было непременно, и оттого, что он знал заранее ее слова и интонацию, с которой эти слова будут произнесены, в нем возникло и завибрировало раздражение, как частенько случалось в последний год, — зудящее раздражение на мать, на Ирину — на этих двух женщин, делающих жизнь его непереносимой.

Набирая номер и глядя исподлобья на экран телевизора, где копошилось на стволе диковинного растения какое-то диковинное сумчатое, он подумал: ее можно понять, она, конечно, устала...

— Ира! — бодренько начал он. — Тут такое дело, понимаешь. Я никак не смогу сегодня. У мамы приступ был, «Скорая» только уехала... Ну, ты сама понимаешь...

— Понимаю, — спокойно сказала Ирина. Но он-то знал подкладочку этого спокойствия. Да, подумал он, конечно, устала за эти годы. И я устал. Но что же делать, что же делать...

— Ну, до завтра обойдется, я надеюсь, — продолжал он. — А утром Андрей заедет за мной.

— Ага... — рассеянно, как ему показалось, ответила Ирина. И это его насторожило.

— ...За мамой здесь тетя Люба присмотрит. А я дней через пять — назад... Может, и раньше... Посмотрим, как там сложится.

— Ясненько, — ровно проговорила она, и он понял, что весь этот тон, разумеется, — протест.

— Ирина! — крикнул он. — Ну что такое?!

– Езжай, ради бога, – сказала она сломавшимся, как перед плачем, голосом и повесила трубку.

Он схватил пачку сигарет и пошел на балкон – покурить.

Мать спросила вслед:

– Мадам в претензии?

– Оставь меня в покое! – огрызнулся он.

– Бедняжка! Никак не может дождаться моей смерти! – Когда речь шла об Ирине, мать всегда переходила на патетический тон, у нее это хорошо получалось, она всю жизнь вела драмкружок во Дворце пионеров.

Он стоял, облокотившись на перила, и смотрел, как внизу, во дворе, Славик моет новые «Жигули». Он так любовно протирал тряпочкой помидорно-красную крышу машины, что хотелось, как в шкодливом детстве, стряхнуть на эту идеально лаковую гладь пепел от сигареты.

Мать, лежа на диване, продолжала что-то говорить. Он вздохнул, придавил окурочок о перила и толкнул в комнату балконную дверь.

– ...И пересидит, переждет, конечно... И захапает тебя! – торжествующе закончила мать.

Монолог был неизменный, с незначительными вариациями.

– Лежи, пожалуйста, спокойно, – миролюбиво сказал он. – Тебе нельзя волноваться. – Но не выдержал, процедил сквозь зубы: – И не трогай Ирину, сколько можно просить тебя!

За Бричмуллой они свернули на узкую пыльную дорогу и долго еще петляли по ней, поднимаясь все выше. Андрей остановил «Ниву» на небольшой поляне.

– Ну вот, – сказал он. – Доползли... Как тебе здесь – глядится?

Внизу горбились горушки, окрашенные в охра, от темной до золотистой, с желтыми и зелеными пролысынами, над горами вздымались красновато-бурые скалы. Над всем этим дыбилося жаркое пустое небо.

– Что, нормально... – сказал он и выбрался из машины.

Поляна, на которой они остановились, заросла травой и кустарником. Повсюду торчали огромные фиолетово-чернильные шапки чертополоха, узорчатые желтые шапочки бессмертника.

Он огляделся вокруг и, закрыв глаза, глубоко вдохнул воздух, напоенный хрупкими тянущимися запахами.

– Лимонник... шалфей... – узнавал он. – Что еще? Мята... душица...

Чуть поодаль сбились в хилую рощицу дикие яблони. Над рощицей в скалу уперлась огромная арча, выгнутая саксофоном.

– Смотри, саксофон, – кивнул он Андрею.

– Ага, я по нему ориентировался... – ответил тот, доставая из машины сложенную палатку и тугие бокастые рюкзаки. – У нас тут дневка была в прошлом году, когда без тебя ходили...

Андрей возился с палаткой, искал в машине запропастившиеся кольца, чертыхался, а он стоял и молча оглядывал такое огромное и все-таки тесное пространство, загроможденное скалами.

Со студенческих лет они сплавливались на катамаранах по горным рекам, ходили с ребятами в походы по два-три раза в году – казалось бы, и привыкнуть можно, – но каждый раз он вновь тихо изумлялся этим громадам и задыхался, жадно глотая этот воздух.

– Виктор, поддержи! – позвал Андрей.

Он встрепенулся и пошел помогать другу ставить палатку.

Давно уже он признался себе, что завидует Андрею. Тому, как сдержанно и спокойно властвует Андрей в своей жизни. Тому, как преданно заглядывают в глаза ему Вера и мальчишки. Да и в деле своем – не с наскоку, а верно и основательно забирался Андрей все выше – недавно его назначили главным инженером крупного завода. А одногодки, между прочим, одногодки... Что там говорить! – Андрей был человеком удачи. И сильнее всего Виктор завидовал его семейной жизни. Как-то сумел Андрей вылепить себе половину, не сломав женщину, не повредив ее достоинство. Здесь даже не скажешь – повезло. Нет, сам сделал, сам – Верка была в институте безалаберной и дурашливой девчонкой. И не полезешь ведь в душу, не спросишь – что и как.

Взять нынешнюю вылазку: решили без женщин идти – Вера спокойно, молча сложила мужу рюкза-

зак; если бы в последний момент Андрей велел ей собираться — собралась бы за десять минут так же спокойно и споро. Не было в их союзе междоусобиц из-за какого-то дурацкого самолюбия. Самолюбие растворялось в любви и безоговорочном доверии друг к другу.

А у Ирины ее самолюбие — бастион, не подступишься.

«Да... — подумал он, забивая камнем кол в мягкую землю. — Да, все дело в безоговорочном доверии... Как же они договорились об этом? С самого начала? Или вовсе ни о чем не договаривались?»

— Сильнее натягивай, — привычно командовал Андрей. Он умел погружаться целиком в дело. Худощавый, жилистый, с всклоченной шевелюрой — сейчас он был поглощен устройством жилья.

Палатка была двухместная, отрадно-желтенькая — хорошая палатка, польская, купили в складчину для таких вот вылазок вдвоем.

— Перекусим, да? — спросил Андрей, стягивая майку и энергично вытирая ею потные грудь и спину. — Посмотри, что там Верка в рюкзак натолкала.

— Ого, чего тут только нет! — удивился Виктор, доставая из рюкзака пакеты. — Это что? Курица? Яйца. Огурцы. Сало... Чего-то непонятное в бумаге.

— А, это ценная вещь, — заметил Андрей, заглянув в рюкзак через его плечо. — Пирог с капустой. Вершина творчества. Ты пошарь, там и грибочки в банке должны быть.